

Глава 1

Призвание

Мне было одиннадцать, когда я впервые увидел то удаленное место в окружении деревьев. Простой дом принадлежал тете и дяде, они построили его своими руками, поселившись на земле Израиля. Шел 1934 год, там жили всего несколько сотен тысяч евреев; дороги были грунтовыми, земля по большей части невозделанной. Когда мы приблизились, я понял, что никогда еще не видел таких деревьев: это были недавно посаженные апельсиновые рощи. Мы с младшим братом Гиги (Гершоном) бросились к ним, носились взад и вперед по идеальным рядам, где каждое дерево несло более ста округлых ярких плодов. Еще не опавшие местами белые цветы наполняли воздух чарующим ароматом.

В своем воображении я внезапно вернулся в ту маленькую еврейскую деревню (обратно в штетл – местечко, как его называли) в тот момент, когда впервые увидел апельсин, и в то место, которое теперь так далеко.

Наш штетл был известен как Вишнево¹. Он находился недалеко от границы между Польшей и Россией,

¹ Вишнево – поселок в Гродненской области Белоруссии, в 150 км от Минска. Впервые упоминается в XVI в., известно как имение Виленского воеводства Речи Посполитой, а потом и местечко, волостной центр. С 1795 г. вошло в состав Российской империи,

окруженный лесами, где словно царила вечная зима. Нередко неделями сквозь тонкие березы хлестали жестокие, холодные ветра, безжалостно терзавшие торговцев на рынке и покупателей. Даже летом мы, кажется, редко видели солнце. И все же, несмотря на холод и изоляцию, в штетле было тепло и уютно, здесь процветала культура доброты и общности. Но мы не принадлежали месту, мы обретали опору друг в друге.

Мы вели простую жизнь: в местечке было всего три улицы, обрамленные простыми деревянными домами. Там не было водопровода и электричества. Но в трех милях от нас находился железнодорожный вокзал, его пассажиры и грузы передавали нам образ — и вкус — мира за пределами леса.

Я до сих пор помню то потрясение, тот первый апельсин. Родители взяли меня с собой в дом своих друзей, где уже собралась большая группа гостей. Прибыл молодой человек, недавно возвратившийся из земли Израиля, он заворожил всех невероятными историями о далекой стране. Он говорил о бесконечном солнце и экзотической культуре, о пустынных землях и плодоносящих деревьях, о суровых загорелых евреях, которые трудились над преобразованием твердой земли и сражались за нее. Закончив

с 1921 по 1939 г. принадлежало Польше. В XIX в. Вишнево превратилось в промышленный центр, здесь работали металлургический, суконный, кожевенный заводы, заводы по производству кирпича и изготовлению керамики, спичечная фабрика. В 1941 г. немецкие войска устроили здесь гетто, 30 августа 1942 г. более 2000 человек были заживо сожжены в городской синагоге. Вишнево как еврейское местечко перестало существовать, сохранился только колодец, из которого брали воду. *Прим. перев.*

рассказ, он повернулся к коробке, стоявшей за его спиной, и поднял ее, чтобы все собравшиеся увидели содержимое. По комнате пронесся громкий вздох. В его жесте было нечто церемониальное, торжественное, как будто он уже много раз делал это прежде. Один за другим каждый из гостей брал из коробки маленький пакет, аккуратно разворачивал пергаментную обертку и смотрел на спелый апельсин из Яффы², сорванный с далекого дерева. Когда подошла моя очередь, я медлил, опасаясь сделать что-то

² Яффа (или Яффо) — один из древнейших портов в Восточном Средиземноморье. Город был основан не позднее XVIII в. до н. э., письменные источники впервые упоминают о нем в XV в. до н. э. (в перечне городов, захваченных египетским фараоном Тутмосом III), под египетским владычеством город находился до XIII в. до н. э. Недолгое время хозяевами здесь были ханаанеи и филистимляне, а в X в. до н. э. Яффа вошла в состав Израильского царства. Спустя два века, под ударами ассирийцев, контроль над Яффой снова перешел к филистимлянам, а в V в. до н. э. — к финикийцам. Александр Македонский покорил этот город и весь регион, принеся с собой эллинизм.

Яффа была римской, византийской, арабской, на некоторое время оказалась во власти крестоносцев. В XIII в. город захватили египетские мамлюки и уничтожили его. В начале XVII в. его отстроили заново под турецким контролем, он оставался в составе Османской империи до 1917 г., а затем перешел под британский мандат. До середины XIX в. маленькая Яффа, где едва насчитывалось 2000 жителей, находилась в запустении, однако начала расцветать после открытия морского сообщения с Францией, Италией и Россией. Именно здесь осела большая часть первой алии конца XIX в., в начале XX в. город, принимавший евреев и арабов, вырос до 10 тысяч человек. Часть еврейских поселенцев и репатрианты второй алии отселились чуть севернее и основали Тель-Авив. Несколько десятилетий города развивались самостоятельно, пока в 1949 г. не были объединены в мегаполис Тель-Авив-Яффа.

Прим. перев.

не так. Я поднес апельсин к носу, впервые вдыхая цитрусовый запах. Плод был необычайным — по цвету, по аромату, по вкусу, — настолько потусторонним, насколько мог представить себе мальчик из местечка. Он был чем-то намного бóльшим, чем просто фрукт; он был символом моих надежд и устремлений.

Моя семья жила в тех краях уже несколько поколений. И действительно, сотни лет тот район евреи называли своим домом. Но, несмотря на простую красоту, ни один из моих родителей не считал жизнь в Вишнево чем-то устоявшимся. Они рассматривали штетл скорее как промежуточную станцию, одну из многих остановок на тысячелетней дороге обратно — на нашу истинную родину. Земля Израиля была не просто мечтой моих родителей; она была вдохновляющей целью для многих наших знакомых. Кажется, на каждом собрании разговор заходил о переезде в Сион, о том, чтобы оставить местечко, которое мы любили, присоединиться к первопроходцам, которые уже осваивали ту нашу землю. Мы часто говорили о Теодоре Герцле³, основателе сионистского движения, который утверждал, что будущее еврейского народа зависит от существования еврейского государства, связанного не только с религией, но и с языком и национальностью. «Пусть нам дадут суверенитет над [известным пространством] земной поверхности, достаточным для нужд нашего народа. И тогда уже мы сделаем все остальное».

³ Теодор Герцль (1860–1904) — общественный и политический деятель, основатель Всемирной сионистской организации, провозвестник формирования еврейского государства. *Прим. перев.*

Мечта Герцля стала моей собственной. Я воспринимал свою семью как людей благополучных, но живущих в изгнании. Мы говорили на иврите, думали на иврите и с нетерпением читали новости, приходившие из Подмандатной Палестины⁴ — контролируемой Великобританией территории, в которую входила и наша древняя родина. Мы были охвачены коллективным стремлением — желанием вернуться туда, и эта тяга становилась все сильнее. Временами мне казалось, что я нахожусь в чистилище между далеким прошлым и неизбежным будущим. Чем ближе к нему мы подходили, тем невыносимее становилась задержка в пути.

Несмотря на желание отправиться дальше, мои воспоминания о детстве многочисленны и нежны. Моя мама, Сара, была прекрасной и любящей женщиной; она работала библиотекарем и была поклонницей русской литературы. Мало что приносило ей больше радости, чем чтение, и эту радость она делила со мной. Я мог бы стать книжником и начал как книжный мальчик, читая рядом с мамой. Это был веселый и полный любви вызов: попытаться не отставать от нее, хотя бы для последующего обсуждения прочитанного. Мой отец, Ицхак (известный как Гетцель), был добрым и щедрым; он торговал лесом,

⁴ Подмандатная Палестина (или Британский мандат Палестины) — политическое образование, возникшее в 1920–1923 гг. и просуществовавшее до 14 мая 1948 г. После успешных военных действий англичан на Восточном Средиземноморье и падения Османской империи часть ее ближневосточных территорий была передана мандатом Лиги Наций под управление Великобритании. *Прим. перев.*

как и его отец. Он был энергичен и добр, заботлив и усерден в делах. Отец всегда ободрял меня и радовался моим достижениям. Его любовь дала мне уверенность, а эта уверенность – способность летать. Для меня это было величайшим благословением.

Родители воспитывали меня без чрезмерных ограничений, никогда не указывали мне, что делать, веря, что любознательность выведет меня на правильный путь. В юные годы, когда я решил выступать публично и тренировался перед родителями и их друзьями, я получал только поддержку и одобрение. Иногда я подражал кому-то (в городе было несколько человек, чей голос и манеру я взял за образец). В других случаях я готовил речи о природе сионизма или сравнивал достоинства моих самых любимых писателей. Взрослые видели во мне не по годам развитого мальчика, которого ждет большое будущее. Для меня самого это было началом чего-то значительно. Однако среди одноклассников я стал изгоем, слишком отличавшимся от остальных. Но, по сути, я был тем же, кем остаюсь и сейчас, в девяносто три года: любопытным мальчиком, увлеченным сложными вопросами, готовым мечтать и не восприимчивым к чужим сомнениям.

Родители помогли мне сформироваться таким, какой я есть, но одну из самых важных установок в жизни заложил мой дедушка, рабби Цви Мельцер⁵, которым

⁵ Цви-Гирш Мельцер (около 1880 г. – 30 августа 1942 г.) – дед Шимона Переса по материнской линии, раввин в Вишнево, был внуком одного из самых влиятельных раввинов своего времени – Хаима бен Ицхака из Воложина, основавшего в 1803 г. воложинскую иешиву, из которой вышло много выдающихся раввинов

я восхищался больше, чем кем-либо. Он был коренастым, но казался очень высоким. Окончив лучшую иешиву⁶ в Европе, он стал одним из основателей еврейской сионистской школы «Тарбут» и выдающимся лидером еврейской общины. В нашем крошечном местечке было три синагоги и две библиотеки: одна на иврите, другая на идише. Если сионизм был центром нашей гражданской жизни, то иудаизм — центром жизни нравственной. Дедушка был авторитетной фигурой, и вся моя семья принимала его руководство, а благодаря его положению и исключительному уму он стал лидером общины, весь штетл обращался к нему за мудрыми советами.

Мне очень повезло не только потому, что в семье была такая важная фигура, но еще и потому, что он уделял мне особое внимание. Он был первым, кто учил меня истории еврейского народа, и первым, кто познакомил меня с Торой. Я присоединялся к нему каждую субботу в синагоге и внимательно следил за еженедельным чтением. Как и другие евреи, я считал Йом Кипур, еврейский Судный

и ученых-талмудистов. По воспоминаниям Переса, именно благодаря дедушке он начал читать Тору и изучать историю еврейского народа, обучился игре на скрипке, начал писать стихи на иврите и услышал сочинения Достоевского и Толстого на русском. *Прим. перев.*

⁶ Иешива (ешива) — высшее религиозное учебное заведение, предназначенное для изучения Устного Закона (главным образом Талмуда), дополняющего Письменную Тору. В XIX в. иешивы Литвы, Польши и Западной Белоруссии являлись средоточием талмудической науки, здесь же еврейские юноши готовились стать раввинами. *Прим. перев.*

день⁷, самым главным из праздников. Он обладал исключительной ценностью для меня не только в силу значимости, но и потому, что я мог слушать, как поет дедушка. Только в этот день он служил нашим кантором, и его чудесный голос навсегда связан для меня с невыразимо прекрасной молитвой «Коль нидрей»⁸. Она переносит меня в глубины души, и я словно прячусь под его молитвенным покровом — и это единственное место, где я чувствовал себя в безопасности в такой серьезный день. Из темноты этого укрытия я просил Бога простить преступников и помиловать каждого человека, ведь Он сам посеял в нас семена слабости.

Вслед за дедом и благодаря ему еще в детстве я стал очень религиозным, гораздо больше, чем мои родители. Я пришел к выводу, что мой долг — служить Богу через Его заповеди и что недопустимы никакие отступления от них. Родители не очень понимали всю глубину моей

⁷ Йом Кипур (Судный день, или День искупления) — важнейший праздник в иудаизме, день покаяния, всепрощения и отпущения грехов, завершает десять дней покаяния (с первого дня Рош ха-Шана до Йом Кипур). Согласно Талмуду в этот день решается судьба человека на весь грядущий год: Бог оценивает поступки людей за прошедший год, вносит достойных в книгу жизни и скрепляет эту запись своей подписью. Неблагоприятный приговор, вынесенный на Рош ха-Шана, можно исправить десятидневной молитвой, раскаянием в грехах и прощением. Традиционно Йом Кипур — время поста и молитв, люди воздерживаются от еды и питья и проводят день в синагоге, все организации в Израиле закрыты, общественный транспорт также не работает. *Прим. перев.*

⁸ Коль нидрей (иврит «все обеты») — молитва, которую читают в синагоге в начале вечерней службы на Йом Кипур; провозглашает отказ от обетов, зарок и клятв. *Прим. перев.*

приверженности до того дня, когда отец принес домой радио, первое в Вишнево. Волнуясь, он хотел показать моей матери, как оно работает, и включил его в субботу — день отдыха и созерцания, в который иудаизм запрещает определенные действия, в том числе те, что необходимы для включения радио. Я был в ярости. В порыве чрезмерной праведности я бросил приемник на землю, сломав его непоправимо, как будто от этого зависела судьба человечества. Я благодарен родителям, что меня простили.

Если меня не было ни дома ни в синагоге, значит, я пытался добраться до железнодорожного вокзала на попутной повозке, ведь оттуда люди начинали долгое путешествие, которое должно было привести их на нашу древнюю родину. Весь город соберется и станет шумно прощаться с соседями, и радость смешается с горечью расставания. А пока этот момент не настал, я наблюдал с восхищением за проводами и встречами, благоговейно разделяя чужую радость и печаль, но всегда возвращался домой с ноткой грусти, задаваясь вопросом, настанет ли когда-нибудь и моя очередь отправиться в путь.

Пришло время, и обстоятельства потребовали нашего отъезда. К началу 1930-х гг. бизнес моего отца был разрушен антисемитскими налогами, взимаемыми с еврейских предприятий. Оставшись ни с чем, он решил, что пора уходить. В 1932 г. он сам отправился в Подмандатную Палестину как первопроходец, желающий обосноваться и подготовиться к нашему прибытию. Минуло еще два долгих года — очень много для нетерпеливого ребенка, — пока он не прислал сообщение, что готов принять

нас. Мне было одиннадцать лет, когда моя мама пришла к нам с Гиги и сказала, что пора собираться.

Мы погрузили пожитки на гужевую повозку и отправились на вокзал. Телега скрипела, неистово подскакивая на камнях и ухабах. Маме это не нравилось, но для нас с братом каждый удар был радостью — напоминанием о том, что великое приключение уже началось. Нас одели в толстые шерстяные куртки и тяжелые зимние ботинки, которые нам больше никогда не понадобятся.

Когда мы прибыли на станцию, там были десятки людей, желавших проводить нас добрыми пожеланиями и молитвами. Мой дедушка был среди них. Учитывая возраст и положение в общине, он решил остаться в Вишнево. Я знал: он единственный из моего родного города, кого мне будет не хватать в новой жизни. Я смотрел, как он прощается с мамой и братом на платформе, я ждал, пока он обратится ко мне, и не знал, что сказать. Большая фигура деда нависла надо мной, я поднял голову, увидел его густую бороду с проседью, а потом посмотрел ему в глаза. В них стояли слезы. Он положил руку мне на плечо, затем наклонился, чтобы встретиться со мной взглядом.

— Обещай мне одну вещь, — сказал он знакомым повелительным тоном.

— Что угодно, *зейде*⁹!

— Обещай, что ты всегда останешься евреем.

Жизнь моего дедушки закончилась в Вишнево. Через несколько лет после нашего отъезда нацисты вышли через лес на деревенскую площадь, они собрали

⁹ Зейде — «дедушка» на идише. *Прим. перев.*

евреев, которым предстояло встретить ужасную судьбу. Моего деда загнали в нашу скромную деревянную синагогу вместе с большей частью общины и заколотили двери. Не могу представить себе, какой ужас должны были испытать люди в тот момент, когда дым стал проникать сквозь щели, когда раздалось потрескивание, когда они поняли, что здание подожгли. Мне сказали, что, когда пламя разгорелось и охватило самое заветное место поклонения, дедушка надел молитвенный покров, тот самый, под которым я прятался в Йом Кипур, и пропел поминальную молитву — последний момент стоического достоинства, прежде чем огонь украл его слова, его дыхание и его жизнь вместе с жизнями всех остальных.

Оставшихся евреев собрали, дом за домом, вытащили из укрытий, вырвали из их жизни. Они вынуждены были наблюдать, как был разрушен штетл, словно торнадо пронеслось по скромному местечку, причинив максимальный ущерб. Они шли к вокзалу по обломкам былой жизни, между руинами, мимо огненной могилы. Тем же путем, которым я отправился на родину, их вели в лагеря смерти.

Когда мы садились в поезд и начинали путешествие в Подмандатную Палестину, когда резко трогался и я прощался через окно, я не знал, что никогда больше не увижу своего дедушку. Я до сих пор слышу его голос каждый раз, когда кантор поет «Коль нидрей». Я все еще чувствую его дух каждый раз, когда оказываюсь перед трудным выбором.

* * *

В 1934 г. наше путешествие в Палестину привело нас на юг, к Средиземному морю, в первый раз оно показалось мне

бесконечным. Мы сели на пароход и несколько дней плыли по спокойным водам. Я был убежден, что отсутствие шквалов и штормов было знаком свыше. На палубе корабля, окутанного со всех сторон пологом поразительно синего неба, я чувствовал нежный жар солнца, не заслоненного облаками. Как будто весь мир был перекрашен и подогрет, чтобы оживить мои мечты. В наш последний день на море я проснулся от гудка корабля. Капитан предупреждал проходящие суда о нашем прибытии и, в свою очередь, объявлял об этом пассажирам. Мы с Гиги поднялись с кроватей и побежали по лестнице на верхнюю палубу, где надеялись увидеть первый проблеск нашей новой жизни. Группа пассажиров уже собралась там, крича и распевая от восторга. Я пробирался сквозь толпу, пока не оказался у перил, где ничто и никто не заслоняло от меня берег.

Передо мной простиралась величественная панорама Яффы. Море переливалось всеми оттенками синевы: яркий сапфир глубоких вод перемежался искрящейся бирюзой мелководья, набегая на пляж с идеально белым песком. За заливом вдали я разглядел возвышенность — сердце великого и древнего города. Россыпь каменных зданий, окружавших мыс, словно стояла на страже. Позади них к небу тянулась башня с часами.

Я мало что знал о Яффе, только то, что это был древний город, упомянутый в Библии. Теперь, когда он предстал передо мной, я увидел фактуру и ритм порта, которые можно ощутить только при личной встрече. Толпы людей в красных фесках и клетчатых головных уборах. Некоторые явно собрались, чтобы насладиться погожим

утром, они играли с маленькими детьми, а морской бриз шевелил их свободные одеяния. Другие садились в лодки, чтобы встретить нас в самом сердце залива. Большинство суденышек были заполнены людьми, предлагавшими пассажирам купить нечто такое, что мы никогда не пробовали: кувшины лимонада с колотым льдом и финики, собранные с пальм, которые я знал только по фотографиям, присланным тетей. Некоторые лодки были зафрахтованы евреями, забиравшими пассажиров прямо с борта корабля, вставшего на якорь.

Рассматривая лодки в поисках отца, я замечал местных евреев, на которых почти не походил. Вечно сером мире Вишнево каждый знакомый мне еврей был невероятно бледен. Должно быть, люди, загоревшие на солнце и обтесанные тяжелым сельским трудом, — настоящие герои. Больше всего на свете я хотел присоединиться к ним, стать одним из них.

В конце концов я увидел отца, стоявшего на носу маленькой арабской рыбацкой лодки и с энтузиазмом махавшего мне и брату; он так сильно загорел со времени нашей разлуки. Рядом с ним стоял капитан судна, высокий араб в широких, развевающихся на ветру штанах, собранных гармошкой. Мы поспешили в лодку и устремились к отцу, переполненные нерастроченной за два года любовью. Он отвечал тем же. Когда мы добрались до берега, я почувствовал, как солнечные лучи проникают сквозь мою толстую зимнюю куртку. Я закрыл глаза и вообразил, что приятное тепло было приветствием лично мне, приветом от солнца, заждавшегося меня здесь. В тот момент, ступив из лодки на землю, я понял, что нашел дорогу домой.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

